

Предисловие

Недavno М. Ю. Парамонова, оценивая направленность работ, посвященных почитанию князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, резюмировала: «Изучение культа Бориса и Глеба пользовалось приоритетным вниманием в российской медиевистике, отчасти благодаря особенностям соответствующих агиографических источников. Культ стал самым ранним случаем официально установленного почитания святых русского происхождения и породил обширную и богатую литературную традицию. Наиболее выдающиеся российские филологи, текстологи и историки были вовлечены в дискуссии об источниках текстов, принадлежащих к Борисоглебскому циклу. Долгое время проблема происхождения культа обыкновенно сводилась к вопросу о происхождении, датировке и авторстве индивидуальных текстов. И только в течение последних десятилетий культ начал

рассматриваться как сложный феномен, который развивался в системе различных и переплетенных между собой (intricate) факторов, включая христианскую практику почитания святых, дохристианские (или нехристианские) верования и практики, взаимодействие между церковным и светским обществами (communities) и более широкий контекст европейских династических и королевских культов.

В связи со специфическим историческим контекстом, в котором культ двух святых князей возник в Киевской Руси, также рождается вопрос о возможных внешних влияниях на этот процесс»¹.

В этих строках весьма точно отмечены основные тенденции и линии развития в изучении как почитания святых братьев, так и посвященных им текстов. Однако мне сложно согласиться с неким полуупреком исследовательницы в адрес ученых прежних лет, обращавшихся к вопросам истории текста, датировки и атрибуции памятников Борисоглебского цикла вместо исследования истоков самого культа. Во-первых, изучение связей между произведениями цикла — двумя пространственными житиями (Сказанием об убиении Бориса и Глеба и Чтением о Борисе и Глебе, написанным Нестором) и примыкающим к Сказанию об убиении Сказанием о чудесах Романа и Давыда, краткими (проложными) житиями, летописной повестью, включенной в Повесть временных лет под 6523 г., «летописными» паремийными чтениями и службами — является автономной, самодостаточной филологической задачей, важной и вне прямого отношения к вопросу о происхождении и формировании почитания святых. Во-вторых, это направление в исследовании памятников цикла обладает несомненной источ-

¹ *Paramonova M. The Formation of the Cult of Boris and Gleb and the Problem of External Influence // Saints and their Lives on the Periphery: Veneration of Saints in Scandinavia and Eastern Europe (c. 1000–1200) / Ed. by H. Antonsson, I. H. Garipzanov. Turnhout, 2010. (Cursor mundi. Vol. 9). P. 259.*

никоведческой значимостью: не охарактеризовав, не оценив тексты-источники свидетельств о святых и их почитании, нельзя ничего заключить и об их культе. Впрочем, сам характер этих источников таков, что убедительный и однозначный ответ на вопросы об их создании затруднителен, если не невозможен по существу. С этим обстоятельством и связан некоторый скепсис М. Ю. Парамоновой.

Проблема не в том, что источников мало. И лишь отчасти — в том, что в них есть зияющие информационные лакуны. Скорее она — таков парадокс — вызвана как раз обилием сведений — при том что эти свидетельства противоречат или как будто бы противоречат друг другу. Это относится как к биографиям, и в частности к убиению, Бориса и Глеба, так и ко времени установления их церковного почитания (прославления).

Автор этих строк вообще склонен считать, что при изучении феноменов далекой эпохи исследователь приходит не столько к установлению бесспорных хотя бы в рамках принятой им системы аргументации истин, сколько к формулированию предположений-гипотез, которые и стремится доказать. Пример своеобразного смирения ученого перед предметом своих трудов — высказывание великого текстолога и одного из исследователей Борисоглебского цикла А. А. Шахматова, однажды назвавшего свои реконструкции ранних древнерусских летописных сводов «научными фикциями»². И это пример, как мне представляется, по-настоящему достойный подражания.

Тем не менее изучение истории текста памятников, посвященных Борису и Глебу, естественно, необходимо продолжать, даже если полученные результаты будут по большей части только лишь гипотезами. Как известно, «не все

² См.: Шахматов А. А. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал. 1914. Т. 2. Вып. 2. С. 30–32, 46.

гипотезы одинаково полезны» и гипотеза гипотезе рознь. По крайней мере, новые текстологические исследования побуждают если не отказаться от традиционных взаимоисключающих версий о первичности тех или иных памятников цикла, то предложить менее простое и элементарное объяснение взаимосвязи между этими произведениями.

Далеко не «закрыто» и такое направление работы, как изучение поэтики памятников цикла в самых разнообразных аспектах. И, конечно же, отмеченный М. Ю. Пармоновой ракурс исследования — рассмотрение культа (а также и произведений цикла) на фоне традиции почитания невинноубиенных правителей в других странах средневекового мира — как на православном Востоке, так и на латинском Западе.

Нынешнее время в изучении памятников Борисоглебского цикла можно условно назвать юбилейным: первые, остающиеся, несмотря на позднейшие коррективы, основополагающими, работы по истории текста этих произведений — главы в книге А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», статья С. А. Бугославского «К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора», ряд корректив А. А. Шахматова к его более ранней концепции, появившихся на страницах его новой книги «Повесть временных лет», — были изданы в 1908–1916 гг. Следующей вехой в изучении текстологической проблематики стала докторская диссертация С. А. Бугославского, завершенная в 1939 г. и относительно недавно опубликованная³. По масштабу проведенной работы этот научный труд остается и поныне непревзойденным. Некоторые новые идеи, относящиеся к взаимоотношениям памятников цикла, были не-

³ Бугославский С. А. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе: историко-литературное исследование // Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 2: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе / Сост. Ю. А. Артамонов. М., 2007. С. 7–360.

давно предложены в книге Н. И. Милютенко⁴, которая, впрочем, в целом имеет характер комплексного филологического, исторического и историко-культурного исследования, где рассматриваются, в частности, формирование почитания Бориса и Глеба и его мотивы. Памятники цикла в текстологическом аспекте также были несколько лет назад рассмотрены С. М. Михеевым, в книге которого, однако, интересные наблюдения и замечания подчинены тенденциозной оценке борисоглебских памятников как текстов, содержащих исторически недостоверные сведения и фальсифицирующих факты⁵. Если упоминать не монографии, а статьи, посвященные текстологической проблематике, а также вопросу о времени канонизации Бориса и Глеба, то это, конечно же, серии работ немецкого медиевиста Л. Мюллера и польского русиста А. Поппэ — с 1950-х по 2000-е гг.

В области изучения формирования культа и его функций в Древней Руси наиболее значительными являются монографии Г. Ленхофф⁶ и М. Ю. Парамоновой⁷; первая из них является по существу комплексным исследованием, в ней рассматриваются также отчасти текстологические вопросы и дается характеристика поэтики памятников.

Из исследований в области поэтики хотелось бы помимо цикла статей американского слависта Н. Ингема назвать работу В. Н. Топорова «Идея святости в Древней Руси: Вольная

⁴ Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исследование и подг. текстов Н. И. Милютенко / Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2006.

⁵ Михеев С. М. «Святополкъ съде въ Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009. (Славяно-германские исследования. Т. 4).

⁶ Lenhoff G. The Martyred Princes Boris and Gleb: A Socio-Cultural Study of the Cult and the Texts. Columbus, Ohio, 1989. (UCLA Slavic Studies. Vol. 17).

⁷ Парамонова М. Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: Сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М., 2003.

жертва как подражание Христу — «Сказание о Борисе и Глебе»⁸. Эта же работа является новаторским для изучения Борисоглебского культа исследованием, в котором прослеживается как христианское осмысление подвига братьев, так и глубокие праиндоевропейские истоки их почитания. О характере святости братьев-страстотерпцев ценные наблюдения были высказаны задолго до этого Г. П. Федотовым (их во многом и развивает В. Н. Топоров). Историческое осмысление убийства Бориса и Глеба в Древней Руси — предмет небольшой, но исключительно содержательной книги Б. А. Успенского⁹.

Несмотря на обилие работ, изучающих как тексты цикла, так и культ Бориса и Глеба (мне удалось назвать лишь их малую часть), а может быть, именно по причине их большого числа, в исследовании и произведениях, и почитания братьев количество «точек согласия», принятых всеми идей и заключений несоизмеримо меньше, чем количество «камней преткновения», позиций, по которым мнения ученых радикально расходятся. В текстологии остаются дискуссионными и вопрос о первичности тех или иных памятников и их влиянии на другие, и вопрос о принадлежности Сказания о чудесах Романа и Давыда и Сказания об убийстве Бориса и Глеба к единому произведению, и предположение о существовании несохранившихся житий, и — хотя бы относительная — датировка таких ключевых текстов, как Сказание об убийстве и Чтение. В изучении истории культа противостоят друг другу гипотеза о прославлении братьев при Ярославе Мудром и версия о начале их церковного почитания при его сыновьях.

⁸ Russian Literature. 1988. Vol. XXV. No 1. Special Issue. The Millennium of Christianity in Russia — III. P. 1–102. Статья в значительно и принципиально расширенном виде переиздана в кн.: Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1: Начало христианства на Руси. М., 1995.

⁹ Успенский Б. А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.

Остаются дискуссионными факторы, приведшие к причислению братьев к лику святых, и природа их почитания. Для одних ученых решающими являются политические интересы и в культе доминирует именно политическая функция, для других — превалирует функция собственно религиозная; существуют сторонники версии о решающей роли светской власти в церковном прославлении братьев, но есть и те, кто приписывает главную роль Церкви. Мнение о чисто христианской природе культа соседствует с идеей, согласно которой в нем чрезвычайно значим языческий субстрат. Представление об уникальности «чисто русского» типа святости, явленного Борисом и Глебом, соседствует с идеей, что в нем нет ничего специфического и что русские святые ничем в этом смысле не отличаются от канонизированных англосаксонских или скандинавских правителей, павших жертвами в борьбе за власть. И — *last but not least* — доверие к памятникам цикла как к историческим источникам уживается с отношением к ним как к фальсификатам, искажающим не только возраст братьев, но и правду о происхождении Святополка, а главное — сами обстоятельства убийства по крайней мере старшего из братьев, Бориса, которого в действительности якобы лишил жизни не Святополк Окаянный, а Ярослав Мудрый.

История жизни и мученической смерти Бориса и Глеба и, соответственно, вопрос об их матери и об их убийце в этой книге специально не рассматриваются, хотя и затрагиваются «по касательной». Степень фактической достоверности памятников цикла — предмет, о котором я размышляю в другой своей книге¹⁰. (Также в книге не затрагиваются ни рецепция памятников, посвященных Борису и Глебу, позднейшей словесностью, ни произведения древнерусской миниатюры и иконописи, скульптуры и пластики, посвященные святым;

¹⁰ *Ранчин А. М.* Борис и Глеб. М., 2013. (Серия «Жизнь замечательных людей». Вып. 1630 [1430]).

не касаюсь я и такой большой и особой темы, как «Борис и Глеб в русском фольклоре».) Две работы собственно исторического характера — о происхождении Святополка Окаянного и о времени церковного прославления Бориса и Глеба — вынесены в раздел «Приложения» в конце книги. Включение в книгу первой из них объясняется тем, что она имеет прямое отношение к филологической/герменевтической проблеме интерпретации религиозного текста (Сказание об убиении Бориса и Глеба) или текста, ориентированного на библейскую модель осмысления истории (Повесть временных лет). Проблематика и выводы второй статьи непосредственно соотносятся как с проблемой интерпретации свидетельств агиографических текстов, так и с вопросом датировки памятников Борисоглебского цикла.

Главы этой книги можно условно объединить в три раздела в соответствии с их темами. Если воспользоваться названием знаменитого романа Марселя Пруста, эти воображаемые разделы можно обозначить так: «В направлении текстологии», «В направлении поэтики (пространственная структура, поэтика антитез и повторов, поэтика библейских цитат и др.)», «В направлении культа (образцы для почитания, религиозно-культурный контекст, типологические параллели)». Приложения — это своего рода раздел «В направлении истории». Само собой разумеется, разграничение этих сфер весьма условно.

Я начал заниматься изучением произведений Борисоглебского цикла еще в студенческие годы. В основе этой книги — работы, создававшиеся на протяжении почти 30 лет. Первоначальные версии глав — это статьи, публиковавшиеся в различных журналах и сборниках и в большинстве своем вошедшие в мои книги «Вертоград златословный»¹¹ и «Древнерусская словесность и ее

¹¹ Ранчин А. М. Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. (Научная библиотека «Нового литературного обозрения». Вып. 60).

интерпретации»¹². В монографии, предлагаемой ныне вниманию читателей, все эти статьи отредактированы, расширены, объединены или сокращены; изменения были настолько решительными, что теперь это во многом совершенно новые тексты, образовавшие после такой метаморфозы единый связный текст. При этом я в нескольких случаях не стал отказываться от возникших повторов цитат, ссылок и собственных мыслей и наблюдений — но только тогда, когда эти повторения диктуются внутренней логикой построения отдельных глав.

При перечитывании своих прежних работ я вынужден был признать в них какие-то суждения легковесными и бездоказательными, иные — наивными и незрелыми, какие-то предположения — слишком смелыми или надуманными, какие-то выводы — поспешными и неподтвердившимися. От несостоятельных суждений и толкований мне пришлось отказаться, с горьким чувством «смыв» эти ненужные строки. Вместе с тем должен признаться — на этот раз уже с радостью, что многое и главное, на мой взгляд, по-прежнему заслуживает внимания.

По возможности были сняты повторы, при необходимости обновлены ссылки на издания и на новые исследования, заслуживающие внимания и оценки — согласия и/или спора. Если что-то было пропущено или оказалось оценено поверхностно, автор приносит в этом извинения. К сожалению, практика не ссылаться на работы коллег по цеху по неким клановым интересам, лично-недоброжелательству или пристрастности получила некоторое распространение в научной среде. Надеюсь, мне удалось избежать этого греха. Впрочем, как изрек один знаменитый несуществующий мудрец: «Нельзя объять необъятное». Что правда, хотя и не освобождает ученого от необходимости стараться сие делать.

Исследователь памятников Борисоглебского цикла неизбежно сталкивается с проблемой выбора издания, по которо-

¹² Ранчин А. М. Древнерусская словесность и ее интерпретации: Маргиналии к теме. Saarbrücken, 2011.

му он изучает и цитирует тексты. Сейчас, не считая публикаций отдельных списков, в частности в составе древнерусских сборников¹³, есть четыре книги, в составе которых напечатаны памятники Борисоглебского цикла, принадлежащие к различным типам словесности, традиционно (хотя и неточно) именуемым жанрами. Это издание Д. И. Абрамовича 1916 г.¹⁴, включающее как пространные, так и проложные жития, паремийные чтения, проповеди на дни памяти святых и службы, — наиболее полное по жанровому репертуару борисоглебской книжности; это книга, изданная в 1928 г. С. А. Бугославским¹⁵, в которой изданы Сказание об убиении Бориса и Глеба (по спискам разных редакций), Сказание о чудесах Романа и Давыда и Несторово Чтение; это издание Дж. Ревелли¹⁶, по числу опубликованных памятников сходное с изданием С. А. Бугославского, но во много раз превосходящее его по количеству учтенных в вариантах рукописей; и это уже упоминавшаяся мною достаточно новая книга Н. И. Милютенко¹⁷, в которой содержатся оба Сказания и Чтение Нестора, а также «летописное» паремийное чтение, житие Бориса и Глеба под 24 июля из

¹³ Самое важное и лучшее из них — дипломатическое («буква в букву, строка в строку») издание Успенского сборника, в котором находятся древнейшие списки Сказания об убиении Бориса и Глеба и Сказания о чудесах Романа и Давыда: Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 42–71.

¹⁴ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916. (Памятники древнерусской литературы. Вып. 2).

¹⁵ *Бугославський С.* Україно-руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Глиба: (Розвідка й тексти). У Києві, 1928. (Пам'ятки мови та письменства давньої України. Т. 1).

¹⁶ *Revelli G.* Monumenti letterari su Boris e Gleb. Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova, 1993.

¹⁷ Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исследование и подг. текстов Н. И. Милютенко.

Пролога 1-й редакции и летописная повесть под 6523/1015 г. по Лаврентьевскому списку Повести временных лет; издание Н. И. Милютенко полнее остальных (кроме публикации Д. И. Абрамовича), однако каждый из текстов печатается лишь по одному списку, без разночтений. Скрупулезное сопоставление различных изданий, проведенное Н. В. Пак¹⁸, выявило серьезные недочеты публикации, подготовленной Н. И. Милютенко; что же касается остальных изданий, то Н. В. Пак отдает безусловное предпочтение изданию С. А. Бугославского. При этом, впрочем, для нее едва ли не главным критерием оказывается соответствие или несоответствие разночтений, подводимых к основному тексту Сказания об убиении и Сказания о чудесах, принадлежащей С. А. Бугославскому же классификации их редакций (на этом основании она отдает предпочтение этой публикации перед принадлежащей Д. И. Абрамовичу); но обоснованность этой классификации, возможно, нуждается в проверке. Издание Дж. Ревелли, помимо того что крайне неудобно из-за подведения предельно полно даже самых мелких разночтений по множеству списков (по этой причине нахождение места, к которому относится вариант, превращается часто в весьма мучительную процедуру), отличается порой неточностями в воспроизведении текста (очевидными иногда при сравнении с Успенским сборником, например, а иногда — даже при сопоставлении с книгой, подготовленной Д. И. Абрамовичем). Кроме того, хотя исследовательница стремится по возможности воспроизвести графические и орфографические особенности публикуемых списков, используя славянские буквы и сохраняя интерпункцию рукописей, она делает это непосредственно, в ряде случаев модернизируя орфографию оригиналов посредством использования прописных букв, а также модернизируя ее при неточном раскрытии слов под титлами.

¹⁸ Пак Н. О новом издании памятников Борисо-Глебского цикла сравнительно с предыдущими // *Ruthenica*. Т. 6. Київ, 2007. С. 397–441.

Тем не менее я отдал безусловное предпочтение именно изданию Дж. Ревелли — как содержащему наиболее полный археографический обзор и как представляющему с наибольшей полнотой разночтения не только вариантов, но и редакций. Так как мое исследование не является лингвистическим, недочетами этой публикации я мог пренебречь. Впрочем, в отдельных случаях я делаю необходимые оговорки, ссылаясь на публикацию Д. И. Абрамовича.

Все выделения в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, принадлежат авторам соответствующих текстов.

Моя книга в известном смысле носит итоговый характер, предлагая оценку сделанного в изучении Борисоглебского цикла, а также культа на протяжении более чем ста лет — текстологами, исследователями поэтики, историками. Тем не менее итоги эти могут быть только промежуточными: в гуманитарном знании «абсолютные» итоги и «закрытие» темы, конечно же, невозможны. Собственные усилия в изучении произведений Борисоглебского цикла и истории почитания святых Бориса и Глеба я мог бы оценить, используя слова писателя, как «поисильные соображения».

Исполняя приятную обязанность, выражаю признательность тем, кто предоставил мне полезные сведения — указал на пропущенные мною публикации, или познакомил меня с некоторыми труднодоступными текстами, или указал на допущенные мною недочеты. Перечисляю их имена в алфавитном порядке: это Андрей Юрьевич Виноградов, Алексей Алексеевич Гиппиус, Олеся Владимировна Гладкова, Игорь Иванович Калиганов, Алексей Владимирович Лаушкин, Савва Михайлович Михеев, Александр Васильевич Назаренко, Анджей Поппэ, Илиана Чекова. Моя особая благодарность — ушедшим от нас Виктору Марковичу Живову и Владимиру Николаевичу Топорову, в бесценных беседах с которыми зарождались некоторые из идей этой книги.